

А.А.МАШКОВЦЕВ

СТАРООБРЯДЦЫ-СТРАННИКИ САРАПУЛЬСКОГО УЕЗДА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX ВВ.

Страннический толк (самоназвание — "истинно православные христиане странствующие") представляет собой одно из крайних радикальных направлений в беспоповщине. Он был основан в последней четверти XVIII в. военным дезертиром Евфимием (родом из Переславля). По мнению известного религиоведа В.Ф.Миловидова, "возникновение страннического толка было одним из проявлений протеста крепостного крестьянства против усиления крепостнического гнета" (1). Действительно, реакцией на помещичий произвол и ужесточение антикрестьянского законодательства стали не только активные формы народного протеста (например, пугачевщина), но и пассивное сопротивление, в частности, религиозное диссидентство.

Как и в других старообрядческих толках, исходным пунктом вероучения странников было положение о воцарении антихриста. Но если умеренные старообрядческие течения понимали под антихристом нечто мысленное, как совокупность всех отступлений от "старой веры", то странники (или бегуны) персонифицировали его. По их мнению, воплощениями дьявола были все царствовавшие особы, начиная с Петра I. "Апокалипсический зверь, — писал Евфимий, — есть царская власть, икона его — власть гражданская, тело его — власть духовная" (2).

Поскольку простые смертные не могли победить дьявола, то единственный способ очищения от скверны и спасения — полный разрыв с "миром" и бегство от власти антихристовой. Евфимий и его последователи призывали порвать все связи с обществом и уклоняться от всех гражданских повинностей — "видимых знаков власти антихристовой: записи в ревизии, платежа податей, военной службы, паспортов, присяги" (3). В обоснование своих взглядов странники приводили следующее библейское изречение: "Друж-

ба с миром есть вражда против Бога! Кто хочет быть другом миру, становится врагом Богу" (4).

Хотя в последующем догматика странников претерпела некоторые изменения (особенно в 60–70-х годах XIX в.), но основные ее положения остались неизменными. Так, сектантские проповедники, действовавшие в 90-х годах XIX в. среди крестьян Яранского уезда Вятской губернии, учили, что "настали ныне времена антихриста ... служба царю есть служба антихристу, а потому не должно отбывать воинскую повинность, а для спасения надобно убегать в леса и пустыни и там поститься 40 дней по примеру самого Христа" (5). Сарапульские бегуны, заметно активизировавшиеся на рубеже XIX–XX вв., требовали от своих единоверцев прекращения всяких связей с гражданским обществом, запрещали им фиксироваться в ревизиях, платить государственные подати, брать паспорта и пр. Они проповедовали, что "антихрист уже пришел в мир и царствует, т.е. считали антихристом императора, а потому отвергали исполнение всех гражданских обязанностей, дабы по их понятиям не подчиняться власти антихриста" (6).

Все странники делились на две категории: странствующих (или "крещеных") и "жиловых" (прочие названия – "странноприимцы", "благодетели", "мирские странники"). Данная градация не была изначальной. При Евфимии членом секты считался лишь тот, кто порывал с обществом и уходил в бега. Однако в условиях постоянных преследований со стороны властей организация не могла бы выжить без поддержки людей, оставшихся в миру. Жесткие условия членства закрывали доступ в общину богатым людям, привыкшим к оседлости, способным поддержать ее материально. Поэтому после смерти Евфимия предпринимаются попытки изменения условий приема. В результате длительной борьбы между сторонниками и противниками членства странноприимцев родилось компромиссное решение: пристанодержатели зачислялись в секту при условии принятия лишь одного обета странствия. Но фактически они разрывали свои отношения с миром и перекрещивались только перед смертью. "Мирские" странники жили открыто, платили налоги и исполняли все государственные повинности, но одновременно тайно поддерживали своих единоверцев, предоставляя им убежище и пищу (7). Порой у отдельных «жиловых» скрывалось сразу несколько странствующих. В Вятс-

кой губернии наиболее известным пристанодержателем являлся М. Рыболовлев, основавший в своем доме в Сарапуле целый бегунский скит (8).

Стоит отметить, что распространение странничества в Вятской губернии началось именно с Сарапульского уезда. Это обусловлено следующими причинами. Юго-восточные уезды губернии (в частности, Сарапульский уезд) граничили с районами, где позиции бегунов были особенно сильны. В первую очередь, это Осинский уезд Пермской губернии, откуда и началось интенсивное проникновение странничества на вятскую землю. С 80-х годов XIX в. стали фиксироваться случаи прозелитизма осинских сектантов среди православных верующих Сарапульского уезда. Благодаря активному миссионерству им удалось вовлечь в свою организацию более 40 жителей Сарапула, Ижевского и Воткинского заводов (9). Эти люди, составившие костяк бегунских общин в крае, сами стали рьяными пропагандистами сектантства.

Странничество завоевало прочные позиции в крупных индустриальных центрах края во многом благодаря тому, что значительную часть рабочих их промышленных предприятий составляли выходцы из сельской местности, для которых был характерен низкий общекультурный уровень. Вынужденные оставить привычную им деревенскую среду, они с трудом приспосабливались к новым городским условиям жизни. Лишенные поддержки общины, такие люди могли рассчитывать лишь на собственные силы. Многие из них не выдерживали постоянной борьбы за существование, люмпенизировались и деградировали. Естественно, что неудовлетворенность социальным и материальным положением порождала протест, способствовала накоплению определенной критической массы, искавшей пути выхода. Не случайно, что именно в индустриальных центрах набирало силу революционное движение и действовали всевозможные диссидентские религиозные организации. Рабочая среда была чрезвычайно благоприятна для распространения различных сектантских течений. Еще больше к этому были предрасположены маргиналы.

Кроме того, на юге губернии уже достаточно давно действовали различные старообрядческие группы как беспоповского, так и поповского направления. Они также враждебно относились к икононовским и петровским преобразованиям, осуждали офици-

альную религиозную идеологию, настороженно, а порой и негативно относились к светским властям. В то же время у многих adeptов всевозможных старообрядческих толков возникло разочарование в собственных религиозных организациях, где со второй половины XIX в. началось интенсивное имущественное расслоение. Это умело использовали бегуны, критиковавшие религиозные доктрины умеренных староверов (например, поморцев) и переманивавшие к себе их сторонников (10). Таким образом, беднейшие слои старообрядческого населения также стали готовой питательной средой странничества.

В исторической литературе нет единой точки зрения по вопросу о датировке появления странничества в Сарапульском уезде и в целом в Вятской губернии. Так, ижевский исследователь Ю.М.Ивонин фактически начинает отсчет местного страннического движения с 1895 г., когда полиция обнаружила бегунский скит в Старцевой слободе г.Сарапула (11). Однако поднятые нами архивные материалы ГАРФ, РГИА, ГАКО и ЦГАУР позволяют отодвинуть эту дату на несколько лет назад. Известно, что в 1890 г. следственные органы возбудили дело против крестьянина Макара Илларионовича Рыболовлева, обвинявшегося в распространении бегунства среди жителей с.Шаршады Сарапульского уезда (12). Следствие длилось несколько лет, но в 1893 г. было закрыто из-за недостатка улик.

В 1895 г. полиция раскрыла бегунский скит на Старцевой горе в Сарапуле, располагавшийся в доме мещанки М.Гуменниковой (13). Естественно, что скит закрыли, а за хозяйкой установили строгий надзор. А в марте 1900 г. была обнаружена странническая община в с.Июльском Сарапульского уезда. Здесь проживало немало старообрядцев-беспоповцев, среди которых работали православные миссионеры. На одной из нравоучительных бесед со староверами священник обратил внимание на двух жителей села, "вероучение которых резко отличалось от беспоповского толка и более напоминало секту бегунов или странников" (14). Он сообщил об этом властям, и те немедленно приступили к расследованию. Вскоре выяснилось, что часть старообрядцев с.Июльского действительно перешла в странническую секту. Главными распространителями бегунства оказались крестьянин д.Кемель Осинского уезда соседней Пермской губернии Кирилл Васильевич Чеб-

касов и житель д.Верхний Армезь Ершовской волости Прохор Дмитриевич Созыкин, временно поселившиеся в Июльском. Чебкасов проживал в доме своего тестя Ипата Семеновича Сюрсина, а Созыкин снимал квартиру. Первый приобщил к странничеству свою жену Пелагею, ее брата Евстигнея с супругой Агафьей, а также самого Ипата Сюрсина и тещу Вассу. Созыкин вовлек в секту семью крестьянина Минея Кирилловича Стерхова: его жену Анастасию, сестру Ефросинью, дочь Елену, сына Трофима и жену сына Надежду (15).

В ходе дознания обнаружилось отсутствие Вассы Сюрсиной, Анастасии Стерховой и двухмесячного сына Кирилла Чебкасова. По заявлению родственников, 80-летняя Васса Сюрсина вместе с грудным ребенком "уехала молиться Богу неизвестно куда", а Анастасия Стерхова "сыном ее Трофимом увезена в Сарапул" (16).

Дом, в который была отправлена Стерхова, располагался на Старцевой горе в слободе при г.Сарапуле. Он принадлежал Марфе Глухой, вдове крестьянина Василия Петровича Глухова. Полиция провела в нем обыск, но женщины не обнаружила. После этого стали осматривать соседние дома. В одном из них, в квартире казанского крестьянина Семена Федоровича Романова, стражи порядка нашли больную и крайне ослабленную Анастасию Стерхову. В ходе дознания Романов сознался, что вечером 13 марта 1900 г. к нему неожиданно пришли Прохор Созыкин и жительница Сарапула Евдокия Шемякина, просившие "принять больную и никому о ней не говорить, так как едут ... полицейские на ее розыски" (17). Романов согласился, после чего Созыкин и Шемякина перенесли к нему Стерхову.

21 марта 1900 г. пристав I-го стана Сарапульского уезда Михаил Успенский вместе с несколькими полицейскими произвел обыск у Евдокии Шемякиной. Она вместе с девицей Домной Коровиной снимала квартиру в одном из домов, принадлежавших упомянутой нами Марфе Глухой. В ходе обыска была обнаружена масса вещественных доказательств, подтверждавших причастность обеих женщин к секте бегунов. В частности, полиция изъяла массу старопечатных бесцензурных книг и рукописных тетрадей сектантского содержания. Кроме того, было найдено письмо Домны Коровиной к какому-то "рабу божьему Савке", показывающее, что сарапульские бегуны "получают материаль-

ные средства из Костромы и Тагильского завода" и что "у сектантов существуют секретные школы для детей"(18).

После тщательного исследования жилых помещений и хозяйственных построек полиция натолкнулась на 2 хорошо замаскированных тайника. Первый находился под полом кухни и представлял из себя небольшую земляную пещеру, в которой могли одновременно укрываться до 6 человек. Вход в тайник располагался у печки и был неприметен для постороннего глаза. Второй тайник, размещавшийся под одной из спальных комнат, по размерам значительно превосходил первый. На его создание ушло много сил и средств, поскольку стены подполья были выложены кирпичом. Если в первом тайнике длительное время никого не было (его вход затягивала паутина), то второй часто навещался сектантами. Об этом говорила чистота помещения, а также найденный огарок восковой свечи и лоскут шелковой ленты, служившей закладкой в книге. При первом допросе хозяйка дома Марфа Глухова и ее квартирантки "на вопросы о тайниках отозвались незнанием о их существовании" (19). Однако в последующем они отказались от своих первоначальных показаний и признались, что часто собирались в подполье для чтения книг и проведения религиозных бесед.

Тайники были созданы покойным хозяином дома — Василием Петровичем Глуховым, являвшимся странническим пристанодержателем. По свидетельству очевидцев, его дом "служил пристанищем для сектантов различных губерний" (20). После смерти мужа Марфа Кирилловна продолжила его дело, скрывая у себя прячущихся бегунов. Помимо Стерховой в ее доме нашли приют и другие сектанты, к примеру, престарелый казанский мещанин Андреев.

С первых же дней расследование дела о странниках с.Июльского и об обнаружении скита на Старцевой горе попало под пристальное внимание православного духовенства. Более того, духовенство пыталось повлиять на его ход. 22 апреля 1900 г. состоялось заседание Вятской духовной консистории, на котором было принято решение просить прокурора Сарапульского окружного суда привлечь к строгой уголовной ответственности сектантов Июльского прихода Прохора Созыкина и Кирилла Чебкасова, "принадлежащих к весьма вредной секте странников или бегунов, проповедующей ложное учение, соединенное со свирепым изуверством и фанатичным посягательством на жизнь свою и других" (21).

Столь же жесткие меры предлагалось осуществить и в отношении сарапульских бегунов. При этом подсудимых женщин попытались обвинить в умышленном убийстве. "Арестованные ... назвавшие себя "рабами Христа", как следует судить по обстоятельствам дела, подготавливались задушить 80-летнюю старуху крестьянку с.Июльского Анастасию Стерхову", — писал священник Андрей Попов (22).

Забегая вперед, отметим, что в том и другом случае результат не был достигнут. Церкви не удалось существенно повлиять на сарапульского прокурора, тем более подвести сектантов под статью об умышленном убийстве. Версия священника Попова была отвергнута и следственными органами, и судом. Последний вынес довольно мягкие приговоры, по которым сектанты либо получили незначительные сроки, либо присуждались к уплате штрафов. Осуществляя дознание по делу о странническом ските г.Сарапула, следствие вышло еще на одного сектанта-пристанодержателя Ивана Ефимовича Красильникова. Красильников являлся уроженцем д.Атабаево Елабужского уезда. Как и Марфа Глухова, он жил в слободе на Старцевой горе, где владел довольно дорогостоящей недвижимостью: участком земли и большим деревянным домом с обширными хозяйственными постройками. Дом находился на самом краю селения, возле леса.

18 апреля 1900 г. известный нам полицейский пристав Михаил Успенский при участии понятых произвел осмотр дома Красильникова. Помимо хозяина здесь проживало еще несколько человек: 24-летняя жительница д.Армезь-Перчи Елабужского уезда Ирина Николаева (удмуртка по национальности), крестьянин с.Малососновского Оханского уезда Пермской губернии Василий Павлович Каракулов и крестьянин починка Полетаевского Нолинского уезда Кирилл Силантьевич Буторин. Все они по своей вероисповедной принадлежности оказались сектантами-бегунами. Полиция, зная о том, что в домах пристанодержателей всегда имеются тайники, начала тщательное исследование дома. В одной из комнат стражи порядка отодвинули с места кровать и обратили внимание на одну из половых досок. В отличие от других, она не была закреплена гвоздями и немного двигалась взад и вперед. После того как ее немного сдвинули в углубление под печью, второй конец вышел из-под плинтуса и доска свободно под-

нялась. Убрав ее, пристав Успенский проник в небольшой тайник, площадь которого равнялась примерно 3 кв.м, а высота 70 см. Пол ямы был земляной, а потолком служил пол комнаты. В этом небольшом погребке находился тайник для хранения сектантской литературы (23).

Вскоре полиция обнаружила еще один тайник, размещавшийся под полом кухни. Замаскированный вход в него находился между сениями избы и печью. Как и в первом случае, его закрывала широкая половая доска, задвинутая на особых приспособлениях под печь. Пристав попытался вытащить ее руками, но не смог этого сделать. Тогда он воспользовался большим металлическим ломом, однако и на сей раз его усилия оказались тщетными. Стало ясно, что кто-то блокирует действия Успенского, крепко удерживая доску снизу. Понадобились усилия нескольких полицейских, чтобы сломить это противодействие. После того как они убрали половицу и осветили фонарем тайник, их взорам представилась следующая картина: в яме на соломе лежал ветхий старик и тяжело стонал. Других людей в подполье не оказалось. Естественно, что сопротивление с дюжими полицейскими совершенно его обессилило и на требование пристава выйти из тайника дед "долго не шел, стонал и кряхтел" (24). Лишь через некоторое время он смог встать и при помощи стражей порядка выбраться наружу. Первоначально он представился "рабом Божиим не от мира сего Иваном", но затем сознался, что это имя он принял после перекрещивания по странническому обряду. На самом деле сектанта звали Владимиром Михайловичем Балтиным. Он происходил из крестьян Осинского уезда Пермской губернии, где, как уже отмечалось, довольно широко распространилось бегунство. В секту старик вступил в 1896 г. в возрасте 65 лет, а также втянул в нее всех своих детей и внуков. Один из бегунских постулатов гласит: единственное спасение в наступившем царстве антихриста заключается в том, чтобы "бежать от мира, порвав с ним всякие связи и ... не записываться в ревизию" (25). Стремясь достичь этого, Балтин покинул родной дом и стал странствовать по различным уездам Пермской и Вятской губерний, прячась у "мирских" бегунов. Когда проводилась Первая всеобщая перепись населения 1897 г., старик спрятался в одном из сектантских тайников и тем самым избежал регистрации. Неизвестно, сколько бы еще Балтин путе-

шествовал по стране, если бы его не задержали стражи порядка.

Тот факт, что среди задержанных в ските находилась удмуртка, сильно обеспокоил местное православное духовенство. Из ее показаний следовало, что она стала странницей 15 лет назад, когда ей было всего 9 лет. "Как попала вотячка из Елабужского уезда к бегунам в Сарапул, да еще в таком возрасте? Не распространяет ли она бегунские заблуждения среди своих родственников и соплеменников?" — писал сарапульский священник Николай Тихвинский, делившийся своими опасениями с епископом Вятским и Слободским Алексием (26). К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении источники не указывают, было ли по данному делу проведено специальное расследование и какие оно дало результаты.

В апреле 1901 г. в поле зрения полиции вновь попал Макарь Илларионович Рыболовлев. В конце 90-х годов XIX в. Рыболовлев покинул родное село и перебрался в Сарапул, приобретя дом в слободе на Старцевой горе. Как мы помним, здесь же находились дома пристанодержателей Красильникова и Глухой. Таким образом, Старцевая гора стала своеобразным центром страннического движения на южной Вятке, Рыболовлев же считался одним из его руководителей.

10 апреля 1901 г. пристав 3-го стана Сарапульского уезда произвел обыск в квартире Рыболовлева. В ходе него обнаружили 7 книг религиозно-нравственного содержания, в частности, псалтырь, канонник, часослов и др. Хотя все книги были синодального издания и имели разрешение цензуры, полиция их все же изъяла и передала в Сарапульское духовное правление. В последующем Рыболовлев неоднократно ходатайствовал об их возвращении, но его прошения оставались без ответа. Лишь 7 июля 1905 г. он все же получил назад свою литературу.

После повальных обысков и закрытия страннических скитов на Старцевой горе сарапульские сектанты заметно снизили свою активность. В течение нескольких последующих лет не фиксируется сколь-либо серьезных конфликтов между ними и властями. Впрочем, в условиях роста рабочего движения на Ижевско-Воткинских заводах, активизации левых политических партий и распространения панисламистских идей среди местного мусульманского населения властным структурам губернии было далеко не до сектантов. Только после некоторой стабилизации ситуации и в

связи с новыми случаями бегунского прозелитизма среди православных верующих, полиция и администрация вновь обратили на них внимание.

Так, в марте 1910 г. в Светлянской волости Сарапульского уезда были арестованы трое сектантских проповедников, подвергавших жесткой критике православие и старообрядческое белокрыницкое согласие. Они заявляли, что православные и старообрядцы "веруют в антихриста, а ... спастись можно лишь в вере бегунов", а также что "государь и вся власть находится под влиянием антихриста", назвав императора "антихристом и кровопийцем" (27). А 12 февраля 1911 г. сарапульская полиция разгромила еще одну бегунскую молельню в Старцевой слободе, находившуюся в доме мещанина Павла Кокорина (28). Узнав от православного священника отца Иоанна (Маракулина) о готовящемся собрании сектантов, полиция неожиданно ворвалась в дом Кокорина и арестовала всех присутствовавших там странников. При этом стражи порядка действовали достаточно грубо и бесцеремонно. Они выломали входную дверь и изъяли всю богослужебную литературу (в том числе и синодальные издания) (29). Во время задержания один из жандармов выронил взведенный револьвер, отчего произошел самопроизвольный выстрел, вызвавший панику и давку, в ходе которой некоторые верующие были травмированы. В последующем жандармы неоднократно проводили обыски в домах сектантских активистов и пристанодержателей в Старцевой слободе. Особенно часто досмотрам, обыскам и выемкам подвергался дом лидера сарапульских бегунов М.Рыболовлева. Один из таких обысков был проведен в марте 1914 г. При этом полиция изымала не только богословскую литературу, но и различные культовые принадлежности, в частности, 8 ковриков и четверо четок (30).

Деятельность вятских странников и отношение к ней местных властных структур всегда были неоднозначны. С одной стороны, сектанты должны были иметь право исповедовать свою веру, а также свободно и открыто совершать богослужения и прочие религиозные действия, естественно, не нарушая установленных законодательством правовых норм. В то же время, некоторые действия сектантов носили ярко выраженный антигосударственный и антиобщественный характер. Призывы к уклонению от военной службы, бойкоту переписей, паспортизации, отказ от уплаты

налогов — все это могло бы вызвать негативную реакцию властей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Миловидов В.Ф. Современное старообрядчество. М., 1979. С.123.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.543. Оп.1. Д.424. Л.99.
3. Христианство: Энциклопедический словарь / Ред.кол.: С.С.Аверинцев (гл. ред.) и др. Т.2. М., 1995. С.642.
4. Библия. Послание Иакова. 4:4.
5. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф.582. Оп.40. Д.113. Л.3.
6. Там же. Ф.714. Оп.1. Д.1411. Л.93об.
7. ГА РФ. Ф.543. Оп.1. Д.424. Л.99.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.821. Оп.133. Д.112. Л.35.
9. ГАКО. Ф.582. Оп.184. Д.51. Л.14; Оп.436. Д.432. Л.10.
10. ГА РФ. Ф.124. Оп.52. Д.315. Л.1.
11. Ивонин Ю.М. Старообрядцы и старообрядчество в Удмуртии. Ижевск, 1973. С.11.
12. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГАУР). Ф.245. Оп.1. Д.2138. Л.42.
13. Ивонин Ю.М. Указ. соч. С.11.
14. ГАКО. Ф.582. Оп.436. Д.432. Л.10.
15. Там же. Л.7об.
16. ЦГАУР. Ф.245. Оп.1. Д.2138. Л.42об.
17. ГАКО. Ф.582. Оп.43. Д.432. Л.8.
18. ЦГАУР. Ф.245. Оп.1. Д.2001. Л.3об.
19. ГАКО. Ф.582. Оп.43. Д.432. Л.8об.
20. ЦГАУР. Ф.245. Оп.1. Д.2001. Л.4об.
21. Там же. Д.2137. Л.5об.
22. Там же. Д.2001. Л.3.
23. Там же. Д.2138. Л.34.
24. Там же. Л.35.
25. Там же. Д.2001. Л.5.
26. Там же. Д.2138. Л.30.
27. ГАКО. Ф.582. Оп.184. Д.51. Л.1.
28. РГИА. Ф.821. Оп.133. Д.112. Л.17.
29. ГАКО. Ф.582. Оп.184. Д.51. Л.15.
30. Там же. Ф.714. Оп.1. Д.1411. Л.106об.